

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВИЗУАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ КУЛЬТУРЫ КОЛЬСКИХ СААМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ XVIII - НАЧАЛА XX ВВ.)

О.А. Бодрова

Центр гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

Аннотация

Рассматриваются особенности и способы репрезентации визуальных аспектов образа кольских саамов в русской этнографии XVIII – начала XX вв. Основные компоненты образа саамов составляют представления о природе Лапландии, антропологических данных, одежде и жилище. Специфика описания этих элементов заключается в характеристике культуры саамов как традиционной, воспринимаемой отечественными этнографами «дикой», «природной», экзотичной по сравнению с русской культурой.

Ключевые слова:

саамы, этнический образ, русская этнография, антропология, национальная одежда, традиционное жилище.

Основные компоненты образа саамов формируются из представлений об их типичной внешности, территории проживания, одежде, жилище, что соответствует общепринятым концепциям этнического образа [1, 2].

Первые представления о саамской культуре возникают у российских исследователей при столкновении с географическими, климатическими и природными факторами Кольского п-ова (конечно, не считая предварительного знакомства с письменными источниками об этом крае). В этнографических текстах описания природы Лапландии сопровождаются клишированными эпитетами «мертвенная», «унылая», «мрачная», «суровая»,

возникшими под влиянием текста «Калевалы» из сопоставления территории проживания саамов с эпической Похьелой. В репрезентации этнографов северная природа представляет собой «унылую, мертвую картину» [3, с. 7], отличительная черта которой – «тишина, безлюдье» [3, с. 10]. Изображение северной природы в мрачных красках обусловлено и географическими реалиями. Бедная растительность территории тундры, ее непригодность для сельского хозяйства обуславливают восприятие Лапландии как «страшной северной пустыни» [4, с.2].

Этнографы отмечают, что их негативные впечатления вызваны, главным образом, «дикостью» этого края, под которой они понимают отсутствие «признаков пребывания людей» [3, с. 7]. Малая изученность и освоенность Кольского полуострова, малочисленность саамского населения, отсутствие привычных для русских типов поселений, городов и деревень заставляют воспринимать Лапландию как «малоизведанную глушь» [5, с. 337], территорию «горных и прибрежных захолустий» [5, с. 337], «пустынную, малонаселенную страну, полную молчания» [6, с. 15]. Также можно отметить взаимосвязь между негативным восприятием северной природы и традиционным ведением хозяйства у саамов: «Номады-оленеводы обратятся в оседлых промышленников, и на месте нынешнего царства смерти и безлюдья возникнет живая и кипучая деятельность трудового населения» [7, с. 60].

Описанию мрачных картин природы Лапландии соответствует изображение тягот жизни саамов на фоне недружелюбной природы. Ее негативно окрашенные характеристики, описание саамской земли как бедной, бесплодной подчеркивают непригодность этого края для обитания и сглаживают тем самым остроту проблем, связанных с колонизацией Кольского Севера.

Если природные особенности Лапландии являются своего рода задним планом при репрезентации культуры саамов в этнографических источниках, то основными визуальными чертами их образа становятся антропологические характеристики. Этнографы единодушно указывают на такие антропологические особенности саамов, как круглая голова, длинные руки и туловище, а также большинство авторов придерживается мнения, что те в основном темноволосы и смуглы. Правда, некоторые писатели считают, что это происходит «от воздуха и дыму» [8–11]. В остальном антропологические характеристики саамов у разных авторов полны противоречий. Отдельные исследователи в своих работах пытаются представить реальное разнообразие антропологических типов: «Трудно дать описание типичного лопаря. По большей части они бывают маленького роста, благодаря чему многие из них не принимаются в военную службу. Женщины еще ниже мужчин. На вид они крепки, коренасты и здоровы. Голова коротка и совершенно круглая <...> Лицо очень широкое, расплывчатое. Кожа смуглая, темная, но не столько сама по себе, сколько от постоянной грязи и копоти. Волосы прямые и короткие, по большей части светлые, русые; но встречаются и черные и рыжеватые. Усы и борода обыкновенно растут плохо, как у других финских народов. Глаза маленькие, маловыразительные, чаще серо-голубоватого цвета. Нос широкий и короткий, часто вздернутый. Но бывают и выше среднего роста, с правильным овальным лицом, прямым носом, с длинной окладистой бородой» [10, с. 28].

При описании внешности саамов часто подчеркиваются такие качества, как малый рост, худощавое, даже слабое телосложение, которому соответствуют болезненные черты лица: «Эти впалые щеки, маленький печально и остро скривившийся рот, длинный кривой подбородок, совершенно заостренный и с редкой бородой, – ясно обнаруживают природные недостатки и слабость народа» [12, с. 16], «Некрасивый, малорослый и слабосильный народ лопари. Лица у них невзрачные, серые, ноги короткие, согнутые; движения не отличаются ловкостью и красотой» [6, с. 8]. Интересно, что признак природной слабости у саамов начинает подчеркиваться в источниках со второй половины XIX в., что хронологически совпадает с интенсификацией колониационного процесса на Севере. Не считая упоминания Ломоносова о том, что «ростом лопари малы и силою слабы» [13, с. 92], остальные авторы в XVII – начале XIX вв. изображают саамов обычно как вполне здоровых, крепких людей: «Росту они среднего <...> От суровой своей жизни бывают они сложением крепки, проворны и изгибчивы» [8, с. 4], «...они малорослы, головы у них большие, шеи короткие, лица румяные, глаза красновато-карие, волосы темно-русые, короткие и бороды короткие, зубы желтоватые, но чистые» [14, с. 187]. Даже среди авторов периода активного освоения Кольского п-ова некоторые пишут про саамов, что они «среднего роста, коренастые и крепкие» [15, с. 223]. Очевидно, в таких случаях их портрет зависит от источников, которыми пользовались исследователи, и просветительских идей последних, в соответствии с которыми акцентируемая физическая «слабость» саамов свидетельствует об их низком положении в культурной иерархии народов Российской империи и ведущей роли русских, которые на правах «старших братьев» должны взять на себя миссию по опеке младшего, более слабого этноса.

Следует отметить, что описание внешности саамов в большинстве источников имеет гендерные ограничения: антропологические характеристики получают только представители мужского населения. Исключение составляет характеристика В.Н. Харузиной, которая приводит свои общие впечатления от внешности саамских женщин: «Лопарки вообще живее лопарей и на лицах женщин,

пожалуй, больше прочтешь ума и живой мысли, чем у мужчин» [6, с. 177–178]. Другие авторы в отношении саамских женщин единодушно отмечают только такие черты, как малый рост и миловидность [5, 7, 8, 16, 17 и др.].

В этнографической литературе о саамах дореволюционного периода встречаются источники, авторы которых приводят точные антропологические данные. Первым отечественным антропологом, который в 1877 г. провел измерения среди саамского населения, был А.И. Кельсиев. Исследователь указал в своих очерках основные антропологические особенности саамов, объясняющие некоторые противоречия в описании их внешности: низкий рост и длинные руки (относительно длины ног); большое по длине и по ширине туловище, придающее лопарю крепкий, коренастый вид; брахицефальную форму головы; темно- и светло-русые волосы; широкие скулы; широковатый, короткий, слегка вогнутый нос; малую растительность на лице; белый цвет кожи и т.д. [17: 498]. Затем антропологические данные о внешнем виде лопарей приводит Н.Н. Харузин, который суммирует противоречивые характеристики отечественных и зарубежных исследователей и воспроизводит описание Кельсиева в качестве наиболее точного образца [3, с. 56]. В начале XX в. профессиональные измерения антропологических особенностей кольских саамов проводит И.Н. Шмаков, выводы которого в целом совпадают с характеристикой Кельсиева [18, с. 31–34].

Важное место в структуре этнического образа саамов занимают те этнографические реалии, которые связаны с представлениями о бытовых особенностях этого народа. Российские исследователи XVIII – начала XX вв. большое внимание уделяют описанию саамской одежды и жилища. Самое обстоятельное описание саамской одежды, историю заимствования ее отдельных предметов у русских, а также сходство и различие в одежде между кольскими и зарубежными саамскими группами приводит Н.Н. Харузин. В этом вопросе исследователь опирается не только на работы скандинавских авторов, но и на труд В.П. Верещагина. Последний представляет интерес для изучения образа саамов не только богатством этнографических подробностей о саамской одежде, но и особенностями ее репрезентации в изложении не столько научном, сколько бытовом. Так, в восприятии В.П. Верещагина, одежда саамов «проста до чрезвычайности» [19, с. 89], несмотря на довольно сложную технологию изготовления и украшения, которые воспроизводит сам же автор.

В целом в описаниях российских этнографов одежда саамов подразделяется на зимнюю и летнюю. Все этнографы пишут о том, что основу зимнего костюма у мужчин составляют *печок* (подобие малицы), *яры* (сапоги) и шапка, которые шьются из оленьего меха. Летом печок заменяется на *юлу* (рубашку), имеющую такой же глухой покрой, но сшитую из сукна. На голову надевается вязанный из шерсти колпак, на ноги – *нюреньки* (подобие туфель без каблуков с загнутыми вверх носками), имеющие зимний вариант – *каньги*. Женская зимняя одежда у саамов, по описаниям этнографов, практически не отличается от мужской. Летом женщины носят юбки и *кохты*, напоминающие по покрою русские сарафаны. Обувь такая же, как у мужчин. Девушки носят заимствованные у русских повязки, расшитые бисером. Женский наряд всегда украшен: цветными лоскутками, вышивками, бисером или стеклярусом. Саамские женщины охотно носят ожерелья, серьги, кольца, перстни, но главное щегольство состоит в кресте довольно большого размера, который зажиточные носят на серебряной цепи [9, с. 5].

Из всех предметов саамского национального костюма, как женского, так и мужского, больше всего внимания уделяется головному убору, который носили замужние женщины, – *шамширу*, ставшему своего рода символом саамской культуры в этнографических текстах. Н.Н. Харузин описывает его как цилиндр, обтянутый цветным сукном и расшитый бисером, разноцветными лоскутками, иногда жемчугом, надо лбом и на затылке у которого находятся «полуэллипсисные возвышения», нагнутые вперед и назад соответственно [3, с. 94]. Шамшир вызывал у российских этнографов самые разные ассоциации. Его сравнивали со шлемом Афины Паллады [3, с. 92; 20, с. 260], с шлемом древнего рыцаря [15, с. 225], с каской пожарного или шлемом Троянских героев [21, с. 7]. Одно из самых подробных описаний шамшира, отражающее его своеобразие в глазах российского исследователя, принадлежит В.И. Немировичу-Данченко: «Женщины носят убор, поразительно напоминающий каски, в которых являются на сцену пресловутые карабинеры в «Разбойниках» Лекока. Эти каски, с торчком стоящим языком, украшены всем, что только есть у лопарки: медными пуговицами, бусами, галунами, стеклышками, кусочками зеркал, металлическими шариками. Щеголихи буквально сгибаются под тяжестью своего оригинального головного убора. У одной лопарки я видел его украшенным сплошь старинными серебряными рублями. Многие из них усвоили

себе русский костюм, но и они не могут расстаться с этою каской <...> Малорослых, хотя и красиво сложенных лапландок чрезвычайно портит этот громадный мавзолей, сооружаемый ими над головой» [7, с. 67–68].

Несмотря на то, что большинство авторов подробным образом изображают национальный саамский костюм, из письменных свидетельств очевидцев, имеющих опыт личного общения с саамами, становится понятно, что подобные описания сделаны главным образом по другим источникам, так как уже к середине XIX в. большинство саамского населения заимствовало многие предметы одежды у русских. По словам исследователей, современные им саамы оставляют свою национальную одежду и носят «что попадет: шляпы, шапки, немецкое платье и проч.» [22, с. 70], «что придется: русские кафтаны, куртки и даже сюртуки» [10, с. 32]. Д.Н. Островский рассказывает, как во время его визита к священнику К.П. Щеколдину в комнате собралось более десятка лопарей, ни один из которых не имел национального костюма, все они были одеты «в черного сукна сюртуки, такие же панталоны, ботинки и пуховые шляпы. Некоторые имели при себе серебряные часы» [23, с. 3].

Национальные костюмы, имеющие много общего со шведской и финской одеждой и воспринимающиеся как «красивые» [21, с. 8], сохраняются у тех саамов, которые проживают в глубине Кольского п-ова и не сталкиваются с русскими промышленниками [21, с. 8]. Распространенные посредством этнографической литературы представления о внешнем облике саамов, которые, судя по сложившимся стереотипам, и в XIX в. носят свой национальный костюм, приводят к тому, что, столкнувшись с повсеместным заимствованием русской одежды, этнографы испытывают даже некоторое разочарование: «Вы думали видеть странные национальные костюмы, а вместо того навстречу вам вышли мужички, правда очень маленькие, большею частью безбородые и узкоглазые, но одетые так, как одеваются все жители Беломорского побережья» [21, с. 6]. Восприятие аутентичной саамской одежды как «красивой», но «странной», экзотичной усиливается в характеристике внешнего облика саамов, сделанной архангельским губернатором А.П. Энгельгардтом, сравнившим их со сказочными персонажами: «Типичный лопарь – низкого роста, приземист, на ногах у него большие башмаки вроде колодок, ноги закутаны суконною тряпкою, перевязанною бечевкою, одет он в суконную серую куртку, на голове вязаный шерстяной колпак с кисточкою на конце, борода клином; в общем, фигура похожа на гнома, как их рисуют на картинках при изображении подземного царства» [22, с. 70].

Наряду с национальным костюмом, культурным символом саамов в представлении отечественных этнографов является традиционное жилище, которое становится одним из элементов этнического образа, а также показателем уровня культурного развития саамов. Как правило, в трудах исследователей XVIII–XX вв. встречаются описания *вежи* (жилища с усеченной вершиной и отверстием для дыма, построенного из кольев и покрытого корой, дерном и пр.), реже *тупы* (деревянного сруба) и *куваксы* (переносного жилья, используемого в период весенне-летних кочевок).

Чаще всего и наиболее подробно в этнографических источниках описывается устройство вежи. Между вежей и тупой этнографы проводят важное культурное различие. Тупа (или *пырт*) сменила вежу в качестве зимнего жилья. Если в прошлом вежа была зимним жилищем саамов, то уже в XIX–XX вв. саамы живут в ней преимущественно в летнее время, выстраивая в зимних погостах для себя деревянную тупу [5, с. 276]. Тупа представляет собой некое подобие русской избы, а потому в культурном отношении представляется российским исследователям более «цивилизованной», чем вежа – первоначальное постоянное саамское жилище. Н.Н. Харузин видит в тупе свидетельство перехода к полuosедлости саамов [3, с. 96]. Если тупу исследователь называет постоянным домом, то вежу он характеризует как временное пристанище на местах промысла, а куваксу – как походное жилище [3, с. 97].

При описании вежи авторы прибегают к самым разным параллелям, позволяющим читателям лучше представить себе впечатление, которое она производит на очевидца. Вежа характеризуется как «землянка», четырехугольный или шестиугольный «шатер из жердей, крытый дерном» [5, с. 276], «шалаш» [3, с. 97], «маленькая пирамидка» [20, с. 265], большой шалаш «вроде самоедского чума» [22, с. 70]. В.И. Немирович-Данченко подчеркивает природное начало вежи, ее связь с местным ландшафтом. Он пишет, что летом, когда дерн, покрывающий вежу, зарастает травой, она издали кажется зеленым холмом [5, с. 276]. Согласно поговорке колян «в веже, что в бане – вениками пахнет» [5, с. 276].

Многие исследователи описывают тесноту, необустроенность, плохую вентиляцию в вежах: «В таком жилище холодно и копотно, дым ест глаза. Сидеть приходится, скорчившись на полу, на оленьих шкурах. В веже тесно и грязно; постели, домашний скарб, одежда, снасти лежат как попало» [6, с. 11], «Этот род землянки с вечно дымящимся костром посередине, вмещающий нередко семейство, состоящее из пяти-шести человек, составляет последнюю степень человеческого жилья. Только удивительно выносливая и неприхотливая натура лопаря в состоянии выносить весь смрад и ужас такого помещения. Несчастные избы в летнем погосте – дворцы в сравнении с этими вежами» [24, с. 13].

Представления о плохой вентиляции в саамском жилище, постоянном дыме и копоти распространены в большинстве этнографических источников, однако они неоднозначны. С одной стороны, авторитетные исследователи пишут о том, что «вежи всегда наполнены дымом, и надобно иметь особенную привычку, чтобы пробыть в ней несколько часов» [9, с. 6]. Н.Н. Харузин подтверждает эти сведения: «Лежит в веже в беспорядке и домашняя посуда, и одежда, и принадлежности лова, тут же и постели. Вся семья помещается здесь, в страшной грязи, копоти и вони. Дым, распространяющийся по веже и не сразу выходящий через отверстие, ест глаза – и неудивительно, что лопари страдают глазными болезнями, что у них часто глаза воспаленные» [3, с. 100]. С другой стороны, М.М. Пришвин, побывавший в саамской веже, утверждает, что воздух в ней хороший, а вентиляция превосходная [20, с. 265–266].

Тупа по сравнению с вежей представляла собой более удобный вид жилья и выглядела как простой бревенчатый дом с плоской крышей, отапливаемый *камельком* (подобием камина). Камелек считался очень практичным, так как он не дымит, быстро нагревает избу, отлично ее вентилирует и удобен для просушки мокрого платья, согревания воды и приготовления пищи [25, с. 85–86]. Если в веже семья располагалась на полу, то в тупе появляется деревянная мебель, полки с посудой. В этнографической литературе встречается мало информации о летних погостах (поселениях) саамов. Зато описания тупы часто сопровождаются характеристиками специфики устройства зимних погостов: «Лопарская деревня, или погост, как можете вы сами заключить, решительно не походит ни на какую, даже самую бедную из наших деревень. Пирамидальные вежи, или кубические тупы, разбросаны в величайшем беспорядке, по произволу хозяев; между ними нет ни плетней, ни заборов, потому что нет дворов и огородов; не возвышаются там, как в наших деревнях, куполы церквей» [19, с. 57–58], «Лопарские поселения называются погостами и обыкновенно располагаются по берегам рек и озер. Они бывают зимние и летние. В зимнем погосте у каждой семьи имеется теплая хижина, называемая пыртом или тупой» [10, с. 33]; «Да, это и есть лопарский погост. Полузаваленные снегом, сиротливо стоят четырехугольные деревянные срубы (тупа, пырт) с плоскими, односкатными крышами, засыпанными для тепла землей и снегом» [15, с. 223]. В источниках часто упоминается дистанционное расселение саамов: «Лопари все живут в одиночку, верст через 5–10 по 1 семье» [26, с. 1].

Одно из первых подробных описаний тупы было сделано Н.Н. Харузиным: «Пырт – четырехугольный бревенчатый сруб с плоской крышей, засыпанной землею; сквозь дверь входят в маленькие сени, из которых ведут две двери, направо в нежилое помещение, где держат обыкновенно овец; налево в жилую комнату, где и помещается вся лопарская семья. Размер этой комнаты не больше квадратной сажени, высота не более одной сажени, так что пырт представляет из себя почти что куб. в углу, у двери, поставлен камин (камелек), сложенный из неотесанных камней довольно грубо на глине или извести; камелек обыкновенно выбелен; от полукруглого отверстия, куда ставят дрова стоймя, идет широкая труба, выпускающая дым наружу» [3, с. 99]. Как видно из слов исследователя, это описание вполне нейтрально и не содержит отрицательных характеристик, однако в более поздних источниках текст Харузина был пересказан с добавлением новых подробностей, имеющих явно негативные коннотации. Жилая комната характеризуется как «грязная и полутемная» [10, с. 33–34], тупы в погосте стоят «сиротливо», сени – «крошечные» [15, с. 222], «в пырте грязно и душно» [там же, с. 223], «в углу иконы и иногда плохие картины» [там же], «одно, редко два окна пропускают мало света; вместо стекол в них вставлена слюда» [там же].

Описание вежи и тупы в этнографических текстах довольно стереотипно. В целом с помощью характеристик этих видов саамского жилья подчеркиваются бедность и плохие условия жизни. Об этом свидетельствуют внешний вид жилищ и расположение их в поселении. Д.Н. Бухаров, характеризуя пазрецких саамов, сопоставляет их «приниженный, убогий вид» с «жалкими жилищами –

тупами, в беспорядке разбросанными в некотором отдалении от церкви» [24, с. 3]. В изображении саамского жилища чаще всего подчеркиваются такие признаки, как бедность, разрушение, грязь: «Беспорядок и грязь, господствующие в лопарских жилищах, не поддаются описанию» [27, с. 69]. Из всех реалий саамского быта этнографы чаще всего подчеркивают грязь и запах, указания на эти атрибуты саамского жилища становятся едва ли не формульными.

Семья саамов Кольского уезда на фоне куваксы (из книги В.Н. Харузиной «Лопари», 1902)

Последний вид саамского жилья – кувакса, которая использовалась только во время сезонных перекочевок (рис.).

В этнографических источниках XVIII – начала XX вв. описание куваксы встречается довольно редко. Это понятно, если учесть, что авторы этих текстов не присутствовали во время промысловых перемещений саамов. Основу куваксы составляли жерди, которые ставились в круг и обтягивались парусиной или мехом. Посередине разводился огонь, вокруг него стелились олени шкуры. Парадоксальным образом исследователи саамской этнографии куваксе уделили мало внимания. На страницах этнографических источников встречались в основном словесные описания и фотографические изображения вежи, что свидетельствует об ее устойчивом ассоциировании с культурой саамов в

представлении российских исследователей. Именно она стала для них символом полукошачевого образа жизни, хотя кувакса явно больше подходит на эту роль, так как в отличие от вежи, которая была для саамов постоянным домом, именно кувакса представляет собой кочевое жилище, которое «примирилось не только с ландшафтом, но и с дорогой» [1, с. 177]. Редко упоминаются в этнографических описаниях и оригинальные хозяйственные постройки саамов, располагающиеся высоко на стволах или корнях деревьев.

Итак, репрезентация визуальных аспектов образа саамов в российской этнографии имеет ряд особенностей. При описании своих впечатлений от знакомства с жизнью кольских саамов авторы этнографических источников сталкиваются с известными ограничениями: невозможностью лично засвидетельствовать многие культурные реалии из-за труднодоступности саамских погостов и проведения полевых исследований преимущественно в летний период. Изображение культуры саамов отличается высокой степенью стереотипии и клишированности в силу зависимости от письменной традиции. В своих текстах исследователи демонстрируют некоторую предвзятость к традиционному способу ведения хозяйства у северных народов и воспринимают многие факты культуры саамов как «дикие». Под этой характеристикой подразумевается как близость саамов к природным условиям, так и оценка их культуры как «примитивной», «варварской», противопоставленной по уровню развития европейской цивилизации. Так как визуально наблюдаемые факты саамской культуры разительно отличаются от привычных для российских исследователей собственных культурных образцов, их репрезентация в этнографических описаниях XVIII – начала XX вв. приводит к экзотизации образа кольских саамов, а также несет в себе не только этнографическую, но и идеологическую информацию в том, что касается вопросов колонизации Кольского Севера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998. 398 с.
2. Cornelia Rothfuchs-Schutz. Die Darstellung des Fremden in Ethnologischen Ausstellungen // *Etnologie als Sozialwissenschaft*. 1984. Sonderheft 26. S. 478–487.
3. Харузин Н.Н. Русские лопари. М., 1890. 472 с.
4. Пиге А.Е. Северное Поморье [Европейской России]: (лопари, самоеды, зыряне и рус. промышленники). М. 1873. 74 с.
5. Немирович-Данченко В.И. Страна холода: виденное и слышанное. СПб., М., 1877. 526 с.
6. Харузина В.Н. Лопари // Читальня народной школы. Журнал с картинками. СПб., 1902. Вып. 11, ноябрь. С. 1–38.
7. Немирович-Данченко В.И. Лапландия и лапландцы: публичные лекции, читанные в 1875 г. в Санкт-Петербургском педагогическом музее. СПб., 1877. 228 с.
8. Георги И.И. Описание

всех в Российском государстве обитающих народов: Также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 1. О народах финского племени. СПб., 177–1777. 89 с. **9. Козмин К.В.** Лапландия и лапландцы: (Из жизни Архангельского севера). Архангельск, 1915. 13 с. **10. Львов В.Н.** Русская Лапландия и русские лопари: Географический и этнографический очерк. М., 1903. 82 с. **11. Дурылин С.Н.** За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке. М., 1913. 120 с. **12. Дергачев Н.** Русская Лапландия. Архангельск, 1877. 61 с. **13. Ломоносов М.В.** Труды по русской истории, общеэкономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л., 1952. Т. 6. 690 с. **14. Пошман фон А.П.** Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении, с полезными на все оные части замечаниями. Архангельск, 1866. Т.1. 196 с. **15. Сласский К.** Лопари // Русская земля. (Природа страны, население и его промыслы). Сборник для народного чтения. Т. 1. Область крайнего севера. СПб., 1899. С. 222–231. **16. Кастрен М.А.** Путешествие в Лапландию, Северную Россию и Сибирь. 1841–1844 // Собрание старых и новых путешествий. Ч. 2. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838-1844, 1845-1849). М. 1860. С. 63–196. **17. Кельсиев А.И.** Антропологический очерк лопарей // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М. 1879. Т. XXXV, 4.1. Вып. 4. **18. Шмаков И.Н.** Материалы для антропологии русских лопарей: Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб., 1909. 72 с. **19. Верещагин В.П.** Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849. 415 с. **20. Пришвин М.М.** За волшебным колобком (Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии) // Собр. соч.: В 8 т. М., 1982. Т. 1. С. 181–386. **21.** Русские народы: наброски пером и карандашом. Ч. 1. Европейская Россия: Вып. 1–3. М., 1894. 14, VII с. **22. Энгельгардт А.П.** Русский Север: Путевые записки. СПб., 1897. 258 с. **23. Островский Д.Н.** Лопари и их предания. Сообщение Д.Н.Островского. (Читано в Отделении Этнографии 4 ноября 1888 г.). Перепечатано по распоряжению ИРГО из 25 тома «Известий Общества». СПб., 1889. С. 316–332. **24. Бухаров Д.Н.** Поездка по Лапландии осенью 1883 года. СПб., 1885. 345с. **25.** Путеводитель по Северу России: Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский берег. Новая земля. Печора. СПб., 1898. 146 с. **26. Кельсиев А.И.** Поездка к лопарям. Письма и предварительные отчеты Комитету. М., 1878. 13 с. **27. Гебель Г.Ф.** Наша Лапландия. СПб., 1909. 314 с.

Сведения об авторе

Бодрова Ольга Александровна – к.и.н., научный сотрудник; e-mail: bodrovae@rambler.ru